

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Прошло почти десять лет с тех пор, как закончилась гражданская война, во время которой красные и белые с ожесточением уничтожали друг друга. За эти годы как в красном, так и в белом стане произошли внутренние сдвиги; сдвиги эти иногда проявляются в виде неясных чувств и настроений, а иногда принимают и вполне определенные формы. Сущностью их является слияние идеи отечества с идеей сильного государства, ставящего себе широкие социальные цели, и очищение этих идей от всего наносного и чуждого. А освобождение от наносного, ненастоящего есть познание самих себя. Когда и белые и красные участники гражданской войны вполне познают самих себя, они неминуемо придут к выводу, что в сущности они во многом сходятся и что нужно сделать только шаг, чтобы перестать быть врагами и стать союзниками. Какова же сущность красных и белых?

Начну с белых. Когда в Феврале 17-го года произошла революция, огромное большинство офицерства радостно отнеслось к этому событию; но радость эта продолжалась не долго: уже через несколько дней после начала революции началась работа в армии социалистических партий, стремившихся внушить солдатам недоверие к командному составу и этим разрушавших армию. Наиболее энергично и явно работала над разложением армии и, следовательно, мощи России партия большевиков, открыто призывавшая солдат к неповиновению командному составу. Социалисты, и особенно большевики, тогда стали ненавистны офицерству. Не социальная программа большевиков, даже не их конечные цели, но их работа по разрушению армии была причиной этой ненависти. Большинство офицеров очень плохо разбиралось в политических и социальных требованиях разных партий, но в них было сильно одно чувство, чувство любви к отечеству, как и государству, и притом государству великому. Поэтому, когда работа большевиков по разложению армии увенчалась полным успехом и был заключен унизительный Брест-Литовский мир, многие из офицерской, а также и штатской молодежи, гимназисты, студенты, почувствовали потребность бороться с властью, которая привела Россию к такому миру. Тот, кто знал среду, из которой вышли первые участники белого движения, солжет, если скажет, что мотивом для начала белой борьбы было что-либо другое, кроме чувства боли за поруганное достоинство и национальную честь России. Белого движения не было бы, если бы большевики были не интернационалистами, для которых Россия служила лишь средством для раздутия мирового пожара, но, даже осуществляя социалистическую программу, оставались бы русскими.

Совершенно естественно, что те, которые осознали необходимость борьбы, избрали простейший способ, а именно борьбу вооруженную. Все другие способы борьбы, как то подпольная работа или поступление на службу в красную армию для антикоммунистической работы

в ней, требовали известной подготовки и кроме того они сложны, а к более сложным средствам обычно прибегают лишь после исчерпания простых.

Первые участники белого движения бросились в бой, воодушевленные лишь одним идеалом, идеалом национальным. Национальный идеал затмил собою все другие сложные вопросы тогдашней русской действительности. Этим и объясняется, что у белых не было ни настоящей политической, ни социальной, ни экономической программы. Бойцам на фронте некогда было заниматься этими вопросами, их командирам тоже первое время было не до того, да они были к этому и не подготовлены. Белых часто обвиняют в том, что, хотя у них и не было программы, — зато были настроения и эти настроения были реставраторскими и буржуазно-классовыми. Бойцы на фронте были чужды таких настроений. К старому режиму они относились отрицательно, понимая, что именно этот режим сделал возможным приход большевиков. Такое отношение к прошлому отразилось, например, в песне, которую пели корниловцы, а вслед за ними стала петь и вся белая армия на юге России; в этой песне есть такие слова: „Мы былого не жалеем, царь нам не кумир“. Но все же обвинения в реставраторских замыслах имеют некоторое основание, так как, хотя бойцы на фронтах и не имели никаких других мыслей кроме мысли о необходимости свержения большевиков, в тылах белых армий стали работать представители старых, отживших идеологий: монархисты-реставраторы, буржуазные либералы и социалисты разных толков. Эти люди, хотя и потерпели в прошлом полный крах, не смогли понять, что России они не нужны, что они лишние, что их идеи, большею частью заимствованные с Запада, России чужды, и за спиной белых армий они стали делать свою разрушительную для этих армий работу. На фронте к этим горе-политикам, а также к представителям старой бюрократии, буржуазии и к разным дельцам относились отрицательно: „Мы воюем, а они обделяют за нашей спиной свои делишки или спокойно дожидаются губернаторских мест“, говорили офицеры и солдаты об этих обломках старого режима. Высшие начальники, генералы, оказавшиеся высшей властью в районах действия белых армий, были принуждены заняться политикой, к которой они совершенно не были подготовлены. Для политической работы им нужны были люди, а так как политических деятелей с новой, жизненной идеологией не оказалось,*) то пришлось привлечь представителей старых, отживших идеологий и поручить им общее политическое руководство и гражданское управление. Поэтому хотя настоящей разработанной идеологии у белых армий и не было, так как нельзя считать идеологией формулу „Единая, неделимая Россия“, все-же создавалось впечатление, что белые армии несут с собой реакцию, так как гражданская власть зачастую была в руках реакционеров и реставраторов. И не только в тылах, но и в самих белых армиях появилось с течением времени много людей, стремившихся главным образом к возвращению своих былых прав и преимуществ. Эти люди в начале белого движения оставались равнодушными, когда горсточка бескорыстных людей, вставших на защиту поправного достоинства России, изнемогали в борьбе, но в дальнейшем, когда успех стал склоняться в пользу белых, они к ним примкнули из личных, шкурных побуждений. Ядро же белых армий оставалось чистым, но оно было малочисленно и не могло, будучи занято боевой работой,

*) Или их не нашли, по политической неопытности и беспомощности.

противодействовать тому, что белое движение принимало реставраторский характер.

Выше было сказано, что лучшие участники белого движения жили лишь одной идеей, идеей национальной, и что идея эта затмила собой все остальное. Но идея национального государства, в которую не вложено содержания, не может быть плодотворной. Национальное государство — прекрасно. Но для чего, во имя каких задач необходимо его создание? Нация для нации есть пустой звук. Русскому народу чрезвычайно присуще социальное чувство, чувство соборности, связанности со своей средой. Поэтому и тоска по социальной правде так свойственна русскому человеку. Лишь та русская государственная власть будет истинно национальной, которая не только будет считать себя таковой, но и будет бороться за русский национальный идеал, за социальную справедливость. Борьба белых потерпела неудачу, потому что им был чужд этот идеал. В стане же их противников, красных, были люди, целью своей жизни поставившие борьбу за социальную справедливость; они пошли за коммунистами, так как видели в них борцов за справедливые требования трудящихся масс. Они могли пойти за этой антинациональной партией, так как у них социальная идея заслонила собой национальное чувство. Произошло как раз обратное тому, что случилось с белыми, у которых социальное чувство поглощено было идеей национального государства, ставшей благодаря этому однобокой.

Кроме этих людей, примкнувших к большевикам (многие из них записались даже в партию), но бессознательно любивших свою родину, в стане красных оказались и такие, которые сочувствовали белым, но по тем или иным причинам не могли к ним пробраться. Вынужденные голодом или по мобилизации служить против своей воли в красной армии, они с течением времени стали смотреть на свою работу в ней, как на близкое и родное дело, поняв, что владычество большевиков не вечно, но что России нужна армия, и что нужно не за страх, а за совесть служить в красной армии, так как из красной она в будущем станет Русской.

Большую роль в этой эволюции сыграла война с Польшей. Многие полагали, что ведя эту войну, коммунистическая власть защищала Россию от внешнего врага, и таким образом, антинациональная власть как-бы делала национальное русское дело. И тогда многие из тех, что всей душой ненавидели коммунистов, стали честно действовать вместе с ними против общего врага, который воевал не с коммунистами, но с Россией. Но не только у этих, служивших в красной армии, антикоммунистов произошел внутренний сдвиг, сдвиг другого рода пережили во время войны с Польшей и многие из тех, которые с самого начала сочувствовали коммунистам или даже состояли в партии, но внутренне оставались русскими людьми со здоровым национальным чувством: у этих людей пробудилось временно заглушенное чувство любви к родине. Национальная война с внешним врагом сблизила обе эти группы, спаяла армию в одно целое, и это было большое русское дело.

Война с Польшей поставила в психологически тяжелое положение белых, особенно белую армию Врангеля в Крыму, так как она, начав в мае 1920-го года наступление, этим косвенно помогала полякам. Врангель и его советники думали по этому поводу приблизительно следующее: „Каждый лишний день пребывания коммунистов у власти более губителен для России, чем временный успех внешнего врага, и освобожденная от власти большевиков Россия легко справится с поля-

ками". Может быть рассуждение это и не было правильным, но нельзя было требовать от белых, чтобы они, оставаясь в бездействии, ожидали окончания войны с поляками, а потом и своего собственного уничтожения и гибели своего дела. Да кроме того ведь командование красной армии думало аналогично тому, как думали белые, т. е., что внешний враг не так страшен как внутренний, иначе оно бы не сняло целых дивизий с польского фронта, сильно ослабив его, и не послало бы их против Врангеля.

Это наступление Врангеля в 20-ом году дало козырь в руки тем, кто утверждал, что белое движение есть ни что иное как прикрытая иностранная интервенция.*) Некоторые из тех, кто так говорил, были искренно в этом убеждены и сражались против белых, считая их оружием иностранного капитала. Если среди этих людей были такие, которые были к этому побуждаемы искренней любовью к родине, то хвала им и честь, так как ошибочное их представление о белом движении изменится, когда они о нем узнают правду, а любовь к родине, раз пробудившись, останется и даст в будущем богатые плоды.

Много воды утекло с тех пор, много перенесла за это время Россия, многое в ней изменилось, и многое поняли и красные и белые участники гражданской войны.

Те белые, голова которых способна свободно, критически мыслить, а сердце бьется вместе с сердцем всей России, поняли, что идея отечества должна иметь содержание, и что октябрьская революция не есть бессмысленный бунт, но есть мучительное искание того социального уклада, который соответствовал бы всему психическому облику русского народа и его историческому прошлому, в котором этот облик выковался. В революции русский народ искал самого себя и сейчас он близок к тому, чтобы себя найти. Найти самого себя значит осознать свое призвание, а призвание русского народа состоит в борьбе за правду, за жизнь в правде, где не должно быть угнетения и эксплуатации, а дружная работа на пользу общую. Это и есть социальный идеал русского народа и содержание русской национальной идеи. Таким образом белые, которые это поняли, восприняли социальный пафос, которым со времени революции живет Россия, и в то же время их горячая любовь к родине, заставившая их взяться в 18-ом году за оружие еще усилилась, так как они нашли содержание своей идее родины, которая раньше была не полной, однобокой. С другой стороны и многие красные, естественные национальные чувства которых было заслонено их социальными стремлениями, поняли за это время, что социальное чувство лишь тогда творчески плодотворно, когда оно гармонически соединяется с осознанной идеей отечества.

Итак, красные и белые, вернее бывшие красные и белые, настолько друг к другу приблизились, что пора им забыть о том, что они когда-то с ожесточением стремились уничтожить друг друга. Белые знают теперь, что в нынешней Русской Армии, каковой белые считают красную армию, много крепких русских людей, глубоко любящих свою родину. Этим красным пора со своей стороны понять, что среди белых не мало людей, близких им по духу. Красным надо понять, что было бы позором для России, если бы не было белого движения, так как это означало бы,

*) Белое движение считают интервенцией также из-за того, что оно получало помощь от бывших союзников; но это утверждение не выдерживает критики, так как поддержка эта выражалась лишь в снабжении оружием и обмундированием и началась тогда, когда белое движение было уже в полном разгаре.

что среди русского народа не нашлось людей, неспособных равнодушно перенести поругание русского национального достоинства. Но с другой стороны Россия не была бы Россией, т. е. страной, которая призвана вести за собой остальной мир в его искании социальной правды, если бы она не выделила того социального актива, который стал с оружием в руках бороться против социальной неправды. Не идеологию красную или белую надо иметь в виду, чтобы разгадать смысл гражданской войны, а внутренние мотивы, руководившие белыми и красными. Разумеется, речь идет лишь о лучших белых и о лучших красных: жалок и ничтожен тот белый, который примкнул к белому движению из за золотых погон и из желания восстановить свои утраченные имущественные и иные права и привилегии, но достоин презрения и тот красный, который руководствовался личными честолюбивыми побуждениями или слепой ненавистью и жаждой мести. Те же красные и белые, которые руководились жертвенной любовью к родине или высоким социальным идеалом, должны теперь объединиться во имя этих идеалов. Не надо, чтобы вражда продолжала их разъединять. Они должны помнить, что они — дети одной страны и совместно идти к общей цели: к устранению тех, кто неспособен отказаться от нелепостей коммунистической системы; а потом дружно взяться за строительство новой социальной России.

А. Антипов